



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

РУСЬ
ХТОНИЧЕСКАЯ

ТИМУР СУВОРКИН
ДЕНИС КИЛЕСОВ

ГИГАХРУЩ



АЛИНА ПОТЕХИНА

НА ДЕРЕВЯННОМ
БЛЮДЕ

Продолжение следует...

АЛИНА ПОТЕХИНА

НА
ДЕРЕВЯННОМ
БЛЮДЕ



Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84((2Рос=Рус)6-44
П64

Иллюстрации на переплете и книжном блоке
художницы *Ана Награни*

Потехина, Алина Игоревна.

П64 На деревянном блюде / Алина Потехина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225613-4

Если бабушка-шаманка оставляет тебе в наследство древнее блюдо, способное вызвать из небытия хоть бутерброд, хоть курсовик по специальности, — будь готова к тому, что скоро в твою жизнь придут чудеса. Бестелесные голоса на рассвете окликнут по имени: «Иди к нам, Тынагыргын!» Прибежит мышка Вувильту и расскажет о скором пробуждении создателя и разрушителя миров — великого Ворона Кутха. А самое главное, ты ощутишь взгляд, неотступно наблюдающий за тобой из темноты.

УДК 821. 161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225613-4

© Потехина А., текст, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026



— Тынагыргын... Тынагыргын... — протяжно завывал ветер. Он стягивал облачную пелену с неба, а с земли приподнимал снежный покров — переплетал их между собой, превращал землю и небо в единое нечто.

— Кто зовёт меня? — откликнулась я, стоя на вершине пологой сопки. — Покажись!

— Тынагыргын... — удалялся надрывный голос.

Я обернулась вокруг себя, но не смогла отличить день от ночи и землю от неба. Всё перемешал ветер. Он дул со всех сторон сразу, выбивал из кос непослушные пряди, тоскливо звенел бусинками, вплетёнными в волосы. Расшитая бисером куклянка надёжно держала тепло. Тоскливый волчий вой переплёлся с песней ветра, повёл её в другую сторону, сжал сердце ледяными ладонями страха. Вой проникал под кожу, вонзался острыми иглами в вены, перехватывал дыхание. Я закрыла глаза, попятилась в тщетной попытке отстраниться от звука, потеряла опору под ногами, ахнула, отдаваясь чувству невесомости, и проснулась в собственной спальне.

С резким вздохом я села на кровати, провела руками по смятой простыне. На мгновение застыла, уловив движение на грани восприятия, но стоило мне сфокусировать зрение,

Алина Потехина

как всё исчезло. За окном было тихо. Лучи фонарей попадали в квартиру, высвечивали квадрат на стене. Я встала, подошла к окну и посмотрела на небо, но его затянуло пеленой облаков. Я вздрогнула, уловив отголосок сна, и с неподвластной разуму поспешностью задёрнула штору.

Рука нащупала ночник рядом с кроватью. Свет резанул глаза, но они быстро привыкли. Под ночником так и осталась лежать раскрытая книга детских сказок. В последнее время я всё чаще перечитывала их, в безуспешных попытках найти покой, который ускользал от меня сквозь странные, тоскливо-страшные сны. Просыпаясь, я не могла понять, что именно во сне меня пугало, ведь образы не были ни жуткими, ни противными.

Я подняла книгу и прочла ту сказку, на которой остановилась.

ВОРОН КУТХ И МЫШИ

(Чукотская сказка)

Однако, давно это было.

Жил тогда на свете ворон Кутх.

Хозяин неба был.

Долго летал ворон Кутх.

Устал.

Негде и присесть было.

И стал ворон думать.

Одна голова хорошо, а две лучше.

Решил Землю сделать.

Из Кутха вышла Земля.

Эх-эх, когда отдохнуть можно. И стал Кутх стариком.

Ну, ничего, заснул Кутх тоже.

Много дней прошло.

Встало солнце, согрело землю, из следов Кутха вышли мыши.

*Вот радуются мыши, Земля большая, места много,
хорошо будет жить.*

На деревянном блюде

Ох, куда залезли мыши, глупые ещё,
облака пошли ловить.

Плохая охота, свалились только.

Однако, прямо на Кутха упали.

Ох-хо-хо, как чихнул Кутх, сломалась Земля.

И встали вокруг большие горы. «Ух, какие хорошие горы,
теперь играть веселей», — смеются мыши.

«Откуда, мыши, свалились, что ли? Ну, хватит бегать,
мыши», — говорит Кутх.

«Сейчас ветром стану, смету всех с земли».

И смёл. Долго сметал.

Устал Кутх.

Отдохнуть надо.

Луна свалилась, солнце с неба упало, всё перемешалось.

Ай-яй-яй-яй-яй!

Каждому место своё надо, вот!

Убрал всё.

И стало пусто на земле.

«Ах, какой хороший вечер был, голова кружится, небо
перед глазами так и мелькает», — смеются мыши.

«Тьфу, откуда мыши?» — кричит Кутх.

«Ну, хватит пицать, сейчас стану снегом, засыплю
мышей!»

И стал на земле снег.

Снова поют мыши: «Ух, хорошо, теперь у нас снега много,
с горы кататься будем!»

Проели мыши Кутха. Весь дырявый теперь!

«Проклятые мыши» — кричит Кутх, — Сейчас стану
огнём, всех сожгу!»

Ожила проеденная снежная шкура Кутха.

И начался великий бой.

Долго бились снег с огнём.

А получилась одна вода. Ага!

После бури хорошо бывает, вот и мыши плывут...

Да... в тихой воде потоп живёт.

Алина Потехина

*Всех мышей вода взяла.
И на землю пришла весна.
Сначала резвились, теперь совсем взбесились.
Съел Кутх мышей.
«Эх, начну-ка я всё сначала», — сказал Кутх.
И снова Кутх вороном стал.
Огляделся вокруг. Ого!
Всё убрал, что не надо. Но снова из следов вышли мыши...
— Что?! Откуда мыши?
...От своих следов куда уйти?*

«От своих следов куда уйти?» — машинально повторила я последнюю фразу из книги. Судорожный вдох не наполнил лёгкие до конца. Я выдохнула и перелистнула несколько страниц, чтобы найти сказку, которая считалась нашей семейной историей. Бабушка говорила, что она написана про предков нашей семьи. Я открыла страницу, на которой было нарисовано большое деревянное блюдо в лапах у волка. Провела пальцами по картинке и начала читать.

ДЕРЕВЯННОЕ БЛЮДО

Жил в тундре добрый охотник, была у него жена и много детей. Однажды охотник ушёл в море охотиться на тюленей, но все тюлени уплыли далеко — на другой берег, и вернулся охотник домой без добычи. Нечем стало кормить детей в доме. Всю ночь думал охотник, как быть, а наутро сказал жене:

— Пойду я к соседям-оленеводам, попрошу у них жирной оленины. Вы меня ждите, я скоро вернусь.

Пришёл охотник к оленеводам, хозяева угостили его свежей олениной и дали много оленьего мяса.

Хотел охотник уже возвращаться домой, мясо оленьё на нарту уложил, да стемнело на улице, поднялся сильный ветер, и хозяева уговорили гостя остаться ещё на одну ночь.

На деревянном блюде

Всю ночь не спал охотник, ворочался, всё думал, как там голодные дети и жена. Проснулся утром — а дороги не видно! Метёт пурга, да такая сильная, что и соседней яранги не видно. Опять придётся ночевать у оленеводов. Расстроился охотник, да делать нечего.

Ночью в ярангу охотника кто-то постучал.

— Кто там? — спросила жена. Выглянула она из яранги и скорей закрыла дверь.

На снегу сидел волк.

— Зачем ты пришёл? — спросила жена охотника.

— Я пришёл за твоими детьми, — сказал волк. — Отдай мне одного из них!

— Уходи сейчас же! — закричала жена. — А то тебе будет плохо! Я мужа разбужу!

— Ничего мне не будет, — сказал волк. — Я видел, как твой муж ушёл к оленеводам. Он всегда меня подстерегает в тундре. Никуда я не уйду!

Дети охотника крепко спали и не слышали, как мама пыталась прогнать волка.

— Подожди немножко, — сказала женщина волку.

Она пошла в кладовку, взяла в руки костяную палочку для выбивания снега из шкур и сказала:

— Палочка, выручай меня! Ты такая умная! Как мне спасти детей?

— Помогу тебе, добрая хозяйка, — ответила палочка и запела. И песенка её была такой нежной, что волк заслушался и уснул.

Костяная палочка пела почти всю ночь, пока не пропела все свои песни.

Когда она спела последнюю песенку, волк проснулся и сказал:

— Ну, хватит! Отдавай мне своего мальчишку или девочку!

Испугалась женщина, но всё же попросила:

— Подожди немножко, волк.

Алина Потехина

Заметалась женщина по яранге, стала искать, кто сможет ей помочь на этот раз. Нашла она в кладовке лучинушку и сказала ей:

— Лучинушка, помоги мне! Ты всё знаешь! Без тебя нельзя разжечь костёр и сварить мёрзлое мясо. Как мне спасти детей?

Лучинушка подпрыгнула в руках женщины и запела колыбельную песенку. Она звучала так жалобно и тонко! Волк слушал, слушал её и уснул.

Женщина времени терять не стала — взяла верёвку и связала волку передние и задние лапы да стала ждать. Когда песня лучинушки кончилась, волк проснулся и хотел встать, да так и повалился на снег: лапы-то у него были связаны! Сначала волк разозлился, стал рвать верёвки, но женщина связала его крепко — ни одна не порвалась.

— Развяжи мне лапы, — сказал волк, — я больше не приду к вашей яранге!

— Не развяжу, — сказала женщина. — Вот придёт мой муж-охотник, тогда ты узнаешь, как стучаться в нашу ярангу!

— Отпусти меня! — испугался волк. — Я принесу тебе волшебное блюдо!

— Обманешь! — ответила жена охотника.

— Нет, не обману.

Развязала женщина верёвку, и волк убежал.

Не успела жена охотника закрыть дверь яранги, как волк вернулся. Он принёс большое деревянное блюдо.

— Вот тебе волшебное блюдо, — сказал волк. — Стоит произнести заклинание — и на нём появится всё, что пожелаешь.

— А ну покажи, как это делается! — сказала жена охотника.

— А вот так, — сказал волк. — Чего ты хочешь?

— Хочу тюленьего мяса, — сказала жена охотника.

Протянул волк блюдо в сторону моря и сказал:

На деревянном блюде

— Блюдо моё, блюдо, хочу отведать тюленьего мяса!
Блюдо сразу потяжелело и наполнилось тюленьим мясом.

— Так и будешь делать! — сказал волк и убежал в тундру.

«Наверное, волк меня обманул, — подумала жена охотника. — Попробую-ка я сейчас сама!»

Протянула она блюдо в сторону тундры и сказала:

— Блюдо моё, блюдо, хочу, чтобы явился волк!

Блюдо потяжелело, и женщина увидела на нём волка.

— Не для того я тебе дал это блюдо, — сказал волк сердито, — чтоб ты меня ловила!

Сказал и ушёл в тундру.

Через два дня муж вернулся от оленеводов, женщина помогла ему разгрузить нарты и внести в ярангу оленину. А потом вышла из яранги и стала рубить мёрзлое тюленьё мясо.

— Откуда ты взяла это мясо? — спросил муж. — У нас дома не было ни кусочка!

— А вот смотри! — сказала жена и показала охотнику волшебное блюдо.

— Ну и что? — сказал муж. — Обыкновенное блюдо!

Рассмеялась женщина и рассказала мужу про волка. Как помогли ей ночью своими песнями костяная палочка и лучинушка. И как волк откупился волшебным блюдом.

Охотник не поверил жене.

— А ну попробуй добыть моржовое мясо, а я посмотрю!

Взяла жена охотника деревянное блюдо, протянула его в сторону моря и сказала:

— Блюдо моё, блюдо, хочу моржового мяса!

И блюдо потяжелело и наполнилось моржатиной. Удивился муж, покачал головой, но блюду обрадовался. Не знала больше голода семья охотника. В яранге всегда было много мяса, рыбы, морской травы и сладких корней. А волк никогда не подходил к яранге охотника.

Я дочитала историю и потёрла уставшие глаза. Стало лучше. Будто кто-то накинул на плечи мягкий плед. Затем выключила ночник и, выцепив взглядом светящийся циферблат часов, пошла на кухню.

Пока наливала воду, услышала тихие, почти неразличимые шаги по коридору. Затаилась со стаканом в руке. Нервное возбуждение после тягостного сна сдавило горло, не позволило даже вдохнуть.

В дверном проёме показался тёмный силуэт. Он прокрался мимо меня, едва не задев плечом, и открыл холодильник. В холодном свете я увидела свою квартирантку — Алёну.

— Ты же на диете? — тихо спросила я, с облегчением глядя, как девушка запикивает в рот котлету прямо из холодильника.

Алёна подпрыгнула, а от её визга заложило уши. Одновременно с этим мимо меня пролетела вторая котлета и с противным звуком расплющилась о стенной «фартук». Я увернулась, но не успела порадоваться своей ловкости, как почувствовала холод, разливающийся по груди. О стакане с водой я, разумеется, не вспомнила, но законы физики от этого не изменились. Вслед за первым испугом пришло облегчение, которое смехом рассыпалось по маленькой кухоньке.

— Ты чего здесь? — отсмеявшись, спросила Алёна. — Опять дурацкие сны?

— Угу, — я неопределённо пожала плечами, после чего набрала себе ещё одну порцию воды.

Длинные, чёрные, как сама ночь, волосы рассыпались по плечам. Я редко когда позволяла себе их распускать. В обычной жизни они вечно мешали: попадали под ремень сумки, цеплялись за дверные ручки и даже застревали в дверях.

— Тань, может, хоть успокоительного какого-нибудь пропьёшь?

Алёна собрала ошмётки, оставшиеся от котлеты, со столешницы, протёрла «фартук» на стене и столешницу, после

На деревянном блюде

чего уселась на стул, зажатый между крохотным обеденным столом и холодильником.

— Да нет. Не думаю, что поможет.

Я осмотрелась. В ночном мраке, разбавленном светом от фонаря, кухня казалась больше. Тени скрадывали стены, создавая иллюзию, что их нет.

Когда я поступила в Казанский университет на бюджетное отделение, родители сняли со счёта деньги, которые они копили на моё обучение, продали теперь уже никому не нужный гараж и купили здесь небольшую двухкомнатную квартиру. Уже спустя три месяца после начала учёбы я позвала жить однокурсницу за умеренную плату, которая покрывала расходы по содержанию квартиры. Мы с Алёной сдружились сразу, хоть и учились в разных группах. Встречались на учёбе нечасто, в основном на потоковых лекциях.

За окном проехала машина — по потолку пробежали световые пятна. Мы проводили их глазами. Я со стуком поставила стакан на стол.

— Так, значит, диете конец? — спросила у подруги.

— Ну нет. Это я так, сорвалась случайно. С завтрашнего дня железно! — Алёна облокотилась спиной на холодильник и зевнула.

— Ну-ну, — я хихикнула. — Который раз я уже слышу эту фразу? Сотый?

— Ну Та-а-а-ань. — Алёна встала, потянулась и пошла в свою комнату.

— Спокойных снов.

Соседка махнула рукой и закрылась. Я зашла в спальню, поменяла футболку на сухую и, повесив мокрую на спинку стула, легла на кровать. С тревогой закрыла глаза. Несколько минут ворочалась, жмурилась до белых кругов, потом расслаблялась, но видела перед глазами снежную пелену и снова открывала их.

Не знаю, сколько я вертелась, пока не заснула. Опять увидела себя на округлом лбу сопки. И снова ветер сдёр-

нул пелену с неба и полотно с земли. Снова позвал меня настоящим именем, которым чукчи называют детей не для документов, а для жизни.

— Тынагыргын... Тынагыргын... — завывала вьюга.

— Тынагыргын... — стонала сопка.

Где-то вдалеке на берег набегали морские волны.

— Тынагыргын... — пели они в неразличимой мгле.

Долгожданное утро не принесло облегчения. Сон, в котором меня постоянно кто-то звал из оставшегося на другом конце страны дома, снился мне почти каждую ночь уже на протяжении двух месяцев. Из-за него я просыпалась тревожной, долго не могла успокоиться, звонила маме, но не получала от родных ни капли успокоения. Рассказать о снах почему-то не решалась. О том, что иногда мне казалось, будто сны оживают в реальности, — тем более. Первое время пыталась, но со временем поняла, что попросту не хотела тревожить родителей, а тем более бабушку, доживающую свой век в непривычной ей квартире, с родителями.

Несколько лет назад бабушка стала сдавать, и родители забрали её к себе из посёлка Аянка, в котором она прожила почти всю взрослую жизнь. До замужества бабушка жила в Айоне — крохотном селе, на берегу Восточно-Сибирского моря. Как они встретились с дедом — до сих пор остаётся для меня загадкой. Бабушка не любила рассказывать об этом. А в последние годы добиться от неё рассказов о жизни стало практически невозможно — взгляд её блуждал между прошлым и будущим, выцепляя события то прошедшие, то грядущие.

Когда я в последний раз приезжала домой на новогодние каникулы, бабушка взяла меня за руку, закрыла глаза и долго всматривалась в собственные глубины.

— Бойся, — сказала она мне. — Грядут перемены. Грядёт великий свет и великая тьма. — Она помолчала, жуя губами. — Он будет искать тебя. Не верь ему, пока не проснётся великий Ворон. Потом — верь.

На деревянном блюде

— Бабуль, ты чего? — я погладила её плечо свободной рукой. — Какой ворон? Какие перемены?

В комнату вошла мама. Она молча вынула мою руку из ослабевших ладоней бабушки и отвела меня на кухню. Я опёрлась руками о подоконник, уловила в отражении свои узкие, раскосые глаза, которые беспокойно вглядывались в блестящую рябь Нагаевской бухты.

— Mam, давно она так? — спросила я, не оборачиваясь.

— С праздника Кита¹. Ей тяжело здесь, — мама вздохнула, села за стол, опёрлась подбородком на руку.

— О чём она говорила?

— Не тревожься, милая. Перемены, конечно, грядут, шаман говорил об этом, но мир наш велик. Выдержит.

— А мы?

— А мы дети этого мира. Значит, и мы выдержим.

— Знаешь, мам, там, на материке, иногда бывает так тоскливо.

— Ты скучаешь, Тынагыргын. Мы тоже скучаем.

Небо над каменным венцом отливало зеленью. Я проследила взглядом за чайкой, пролетевшей над домами, скользнула взглядом по последнему оставшемуся целым куполу на Марчеканской сопке и повернулась к маме.

— Как думаешь, ей было бы лучше в селе?

— Нет, дочь. Бабушка стара, силы оставляют её.

— А разум?

— А разум уже выходит за границы нашего мира. Ей лучше рядом с нами сейчас.

— Про кого она говорила?

— Не знаю. Мне кажется, что она уже путает наш мир с миром духов, а потому не стоит тревожиться. — Мама улыбнулась, но я видела, что ей так же грустно, как и мне.

¹ Праздник Кита чукчи и эскимосы, живущие в прибрежных районах, отмечают поздней осенью, когда заканчивается сезон осенней охоты и заготовки мяса на зиму.